

УДК 91 (092)

*Хисамутдинов А.А.
Khisamutdinov A.A.***«Впервые осветил географию многих мест»:
В.К. Арсеньев и его исследования****"First time studied the geography of many places":
V.K. Arsenyev and his researches**

Статья посвящена характеристике исследований знаменитого путешественника и писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872–1930). Приехав на Дальний Восток в 1900 г., он совершил много экспедиций, носивших комплексный характер. Начав исследование региона с военных позиций, в дальнейшем он внес вклад в различные научные области: этнографию, археологию, экологию, экономику. Статья основана на материалах из личного архива путешественника, который хранится во Владивостоке.

Ключевые слова: *В.К. Арсеньев, Дальний Восток, комплексные исследования, коренные народности*

The article analyzes the research of the famous explorer and writer Vladimir Klavdievich Arsen'ev (1872–1932). Arriving to the Far East in 1900, he conducted quite a number of expeditions, which had multi-disciplinary character. Having begun studying the Far East with military purposes, later on he contributed in various research areas, e.g. ethnography, archaeology, ecology, economy. The article is based on data obtained from the traveler's personal archive, which is kept in Vladivostok.

Key words: *V.K. Arsenyev, Far East, multi-disciplinary research, indigenous people*

Изучение российского Дальнего Востока началось относительно недавно, и до XX в. большинство исследований носили комплексный характер, когда путешественники и учёные не ограничивали свой поиск определёнными дисциплинами. Независимо от основных научных интересов, они включали в свои труды и отчёты самые разнообразные сведения, которые удалось собрать о далёком крае – биологические, географические, этнографические и т.д. Ярким примером таких исследований является и деятельность Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872–1930), который начал обследовать Дальний Восток как военный, затем одновременно стал изучать жизнь коренных народностей, а в дальнейшем успешно решал и прикладные научные проблемы. Сегодня его популярность основана на книге «Дерсу Узала», но для науки большее значение имеют его труды, написанные по результатам исследований.

Ещё во время службы в Царстве Польском свободное от служебных обязанностей время подпоручик Арсеньев отдавал изучению географической литературы. Среди его любимых книг были «Наш Дальний Восток» Д.И. Шнейдера, «Якуты» В. Серашевского и другие труды

ХИСАМУТДИНОВ Амир Александрович, д.и.н., заведующий отделом научно-исследовательской работы Центральной научной библиотеки ДВО РАН (г. Владивосток).
E-mail: khisamut@yahoo.com

о далёкой окраине России [9]. 10 января 1900 г. он подал командиру полка рапорт: «Желая продолжить службу в одном из отдалённых округов, прошу Вашего ходатайства о переводе меня в одну из пехотных частей Квантунской области или Приамурского округа» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 29728 (Послужной список В.К. Арсеньева). Л. 102). Он хотел испытать себя в трудной службе на Дальнем Востоке и воочию увидеть то, о чём читал в книгах.

Во Владивосток поручик Арсеньев прибыл 5 августа 1900 г. Знакомство с местным населением, желание лучше узнать край подтолкнули его к началу исследований. Недостаток систематических знаний по естественным и историческим наукам офицер восполнял в Обществе изучения Амурского края (ОИАК), основанном во Владивостоке в апреле 1884 г. и имевшем целью «всестороннее изучение бассейна р. Амура, русского побережья Восточного океана и сопредельных местностей и ознакомление с ними посредством собирания коллекций и разных сведений по всем отраслям естествознания, географии, этнографии, археологии и научной разработки собранных материалов, равно посредством составления библиотек из сочинений об указанном крае, не ограничиваясь какой-нибудь специальностью» [13, с. 1].

Неподелённый энтузиазм и увлечённость офицера были замечены, и 9 января 1903 г. Арсеньева назначили начальником Владивостокской крепостной конно-охотничьей команды, которая занималась не только охотой, но и разведкой местности и составлением карт. При этом командир полка Орлов дал ему разрешение уходить куда угодно на любой срок. Арсеньев посвящал исследованиям не только служебное время, но и отпуск. Однажды, обследовав древние памятники на реках Майхе, Цимухе и Кангауз, он столкнулся с интересными находками, среди которых было и старинное укрепление Да-шань-моу. Собранный материал оказался таким богатым, а его описание, составленное Арсеньевым, настолько подробным и точным, что Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков распорядился считать отпуск офицера, проведённый за исследованиями, служебной командировкой.

В военных штабах всё ещё разбирались уроки Русско-японской войны. Оборонительная система дальневосточных границ Российской империи нуждалась в укреплении. Участвовать в этой работе пришлось и штабс-капитану Арсеньеву. 22 декабря 1905 г. его перевели в Хабаровск, в штаб Приамурского военного округа, для организации экспедиции на неизведанный хребет Сихотэ-Алинь. Недавно назначенный генерал-губернатор Приамурского края П.Ф. Унтербергер хотел, чтобы экспедиция выполнила двойную задачу: не только собрала материал, необходимый для обороны края в случае нападения Японии, но и наметила бы пути для оживления этой местности, интерес к которой год от года возрастал.

В путевом дневнике Арсеньева появился план сбора материалов: «Сведения о хунхузах. 1). Число их увеличивается или нет; 2). В чём проявляют они свою деятельность; 3). Не обижают ли жителей; 4). Их отношения к русским и к японцам» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1 (Путевой дневник 1906). Л. 12–21 об.). Страницы дневника заполнены различной информацией, имеющей военное значение: проходимость дорог для разного рода оружия, крутизна подъёмов и спусков, грунт и почва на тропях, указание на болотистые места, состояние дорог и троп в дождливое время и т.д. Офицер измерял ширину долин, по которым текли реки, быстроту течения, определял тип дна. Понимая важность топонимических сведений, названия рек на топографических картах он писал и по-русски, и по-китайски.

Как и хотел Унтербергер, Арсеньев не ограничился сбором военных сведений и помимо них обращал внимание на растительность и животный мир незнакомой местности, быт местных жителей, вёл наблюдения за погодой. «Штабс-капитан Арсеньев блестяще выполнил возложенную на него задачу, – писал генерал-губернатор в представлении к награждению, – и, несмотря на ограниченность средств, чрезвычайные трудности в борьбе с природою, в особенности в зимнее время (ноябрь) в районе дикого горного хребта Сихотэ-Алинь, собрал обширный материал по исследованию края и богатые коллекции местной фауны» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 2. Д. 8. Л. 6.).

Научные задачи наравне с военными решал Арсеньев и в следующих экспедициях. Наиболее масштабной по замыслам оказалась экспедиция 1909–1910 гг., организованная генерал-губернатором Приамурского края П.Ф. Унтербергером. 20 января 1909 г. отряд Арсеньева оставил р. Самаргу и начал подъём на Сихотэ-Алинь, а затем по долине р. Садомабирани спустился на р. Мухань. Ещё через неделю все вышли к Амуру и остановились лагерем в 120 верстах от Хабаровска. Здесь Арсеньев оставил свой отряд отдохнуть и выехал в город, чтобы доложить о результатах экспедиции. В «Предварительном кратком колонизационном отчёте работы экспедиции» он выделил разделы: «План колонизационных работ; Общий обзор районов; Пути сообщения; Климат; Наводнения; Пчеловодство; Скотоводство; Охота и Рыболовство».

11 января 1910 г. путешественники вышли к селу Вознесенскому, а 21 января приехали в Хабаровск. Долгое путешествие в 19 месяцев было закончено. В тот день общее собрание Приамурского отдела ИРГО постановило назвать экспедиции Арсеньева 1908–1910 гг. «Юбилейными» в честь 50-летия подписания Айгунского договора и присоединения Приамурского края к России.

28 апреля 1911 г. Арсеньева назначили производителем работ Уссурийской межевой партии в Переселенческом управлении Главного управления землеустройства и земледелия. Это был своеобразный карт-бланш – возможность свободно заниматься изучением края. В виде исключения Арсеньеву сохранили на гражданской службе военное чиновничество и довольствие.

5 мая 1913 г. Арсеньев стал подполковником, а в июле его назначили заместителем комиссара (подкомиссаром) научного отдела выставки Приамурского края. Эта выставка достижений далёкой окраины России была открыта благодаря энергии нового генерал-губернатора Н.Л. Гондатти. Арсеньев принимал большое участие в её организации и потратил много времени на то, чтобы экспозиции «туземного» отдела отразили всё многообразие населения и природы Приамурья и Приморья. Его работа на выставке вкупе с географическими и этнографическими трудами заслужила Золотую медаль Амурского общества сельского хозяйства (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 2. Д. 8. Л. 3 (Диплом на Золотую медаль В.К. Арсеньева)).

Тревога Арсеньева о дальневосточных аборигенах проявилась и в докладе, с которым он выступил 28 августа на 1-м съезде врачей Приамурского края в Хабаровске. «Наши инородцы болеют телом и духовно, – говорил он. – Они младшие наши братья. Ведь и мы были когда-то в таком же фазисе развития, как и они. Благодаря счастливому стечению обстоятельств мы опередили их – и только! Для меня понятно, когда крестьяне жмут и разоряют инородцев, для меня понятно, когда переселенец говорит: пусть вымирают, но как такую фразу может говорить человек интеллигентный и образованный!? А такие фразы я слышал довольно часто. Как же практически помочь инородцам? Прежде всего, надо оградить их от пьянства, во-вторых, организовать меди-

цинскую помощь. Организовать не так, как это было раньше. Что может сделать один врач на всю Камчатку, Анадырь и Чукотский полуостров!? И. Тюшев был прав, когда вместо лечения людей занялся наукой. Для того чтобы спасти инородцев от окончательного вымирания, много предположений делать нельзя. Тут есть только один исход: земельные и рыболовные наделы оседлым инородцам (тазы и гольды) и отвод охотничьей территории бродячим – так, как это сделано у американцев, предоставив инородцам развиваться самим из рыболовов и охотников в огородники и земледельцы, помогая осторожно примерами и отнюдь их не насилуя...» [1, с. 352–353].

О широте научных интересов Арсеньева говорит перечень докладов, с которыми он выступил в 1916 г. по просьбе китаевода П.В. Шкуркина и других знакомых из Харбина в Обществе русских ориенталистов: «Краткий физико-географический очерк бассейна реки Амур» (6 июня), «Наши американоиды» (8 июня), «Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу» (10 июня), «Этнологические проблемы на востоке России» (13 июня). Арсеньева избрали почетным членом Общества русских ориенталистов, а его доклады были опубликованы научным журналом «Вестник Азии».

Февральская революция 1917 г. поначалу ничего не изменила в настроении Арсеньева, который всегда был далек от политики. Благодаря ходатайству Академии наук, Русского географического общества и его дальневосточных отделов перед Временным правительством 27 мая 1917 г. его сняли с поезда, направляющегося на Западный фронт, и вернули в распоряжение штаба Приамурского военного округа. В Петрограде одним из главных ходатаев за Арсеньева был П.Ф. Унтербергер. Несмотря на продолжавшуюся войну, отставной генерал-губернатор взял на себя труд организовать через Русское географическое общество, членом Совета которого он являлся, следующую экспедицию. По его просьбе Арсеньев подготовил список своих трудов и подробный план будущей экспедиции.

«Вполне сочувствую, – писал Унтербергер 27 октября 1916 г., – Вашему плану обследования района между низовьем р. Амура и побережьем Охотского моря; это действительно Терра инкогнита. Уездные начальники знакомы только с некоторыми, весьма ограниченными участками. Мною в былое время предполагалось туда послать комиссию для переписи инородцев и более точного распределения между ними платимого ясака. Выяснение этого вопроса находилось в связи с бывшим предположением вообще изменить налоговую систему инородцев. Пришлось по целому ряду причин тогда отложить это намерение, но оно настоятельно нужно» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 3. Д. 71. Л. 5 об.–6.).

Весной 1917 г. первый съезд депутатов городских и уездных Советов в Хабаровске ходатайствовал перед правительством об учреждении должности комиссара по инородческим делам, а 29 июня на общем съезде представителей всех сословий и от всех частей Дальневосточного края на неё избрали Арсеньева. Окунувшись с головой в новую работу, он предложил программу действий по облегчению жизни инородцев и составил инструкцию помощникам комиссара по инородческим делам для работы на местах летом 1917 г.

Арсеньев просил многочисленных знакомых в разных уголках Дальнего Востока посылать информацию о жизни коренного населения и предложил своим друзьям-горожанам, интересующимся жизнью местных народов, вместо отпуска выехать в стойбища. Не удовлетворяясь этими сведениями, Арсеньев и сам ездил в командировки. С 3 по 12 августа 1917 г., например, он был в устье Амура, а период с 20 ноября 1917 г. по

февраль 1918 г. провёл в Олгон-Горинской экспедиции. Исследователь давно мечтал побывать на реках Олгон и Горин в Хабаровском крае и посетить хребет Ян-де-Янге, но всё не удавалось: то не было денег, то не пускало начальство. На этот раз всё сложилось удачно: поездку субсидировал коммерсант и инженер В.А. Фёдоров с условием взять с собой его сотрудника Григория Петрова, который должен был ознакомиться с положением пушного промысла и торговли с местными жителями. Арсеньев же использовал эту возможность, чтобы изучить быт местных коренных народностей.

Политические перемены в стране всё же коснулись Арсеньева. В стране разгоралась Гражданская война, страшное время для всякого русского интеллигента. Вернувшись из Олгон-Горинской экспедиции, он освободился от обязанностей комиссара по инородческим делам и вернулся к заведованию Хабаровским музеем. Отдушину от грустных мыслей путешественник находил в Хабаровском народном университете, где читал лекции. Желание избежать насильственной мобилизации заставило его собраться в новое путешествие.

17 мая 1918 г. заведующий Приморским переселенческим районом Борис Николаевич Клепинин писал комиссару Дальсовнаркома: «Начальником экспедиции на Камчатку мною приглашён исследователь Дальнего Востока В.К. Арсеньев, с окладом в 6000 рублей, утверждённым 23/10 февраля 1918 г. Советом Народных Комиссаров для специалистов, исполняющих работы самостоятельно. Приглашение В.К. Арсеньева прошу утвердить». На прошении появилась резолюция: «Кандидатура Арсеньева как исследователя желательна и утверждается» [12, с. 172].

Целью экспедиции на Камчатку было изучение условий жизни переселенцев и выработка программы будущего заселения полуострова. Поэтому 26 июня 1918 г. приказом Временного бюро по управлению Приморским переселенческим районом Арсеньева назначили ещё и заведующим устройством переселенцев на Камчатке. На экспедицию отводилось два месяца. В неё Арсеньев со спутниками отправился 7 июля 1918 г. на пароходе «Сишан». В то время в дальневосточном Питере, как тогда называли Петропавловск-Камчатский, шли оживлённые дебаты о возможности отделения области от России и создания Камчатской автономии, в которых Владимир Клавдиевич волей или неволей тоже принимал участие.

По возвращению из экспедиции его ожидало новое предложение. Рыбпромышленник К.П. Лавров организовал во Владивостоке Управление рыбными промыслами Дальнего Востока и 1 ноября 1918 г. подписал приказ о назначении Арсеньева младшим инспектором рыболовства (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 2. Д. 40 (Приказ № 62 от 18 июня 1919). Л. 22). С жильём тоже уладилось: в только что построенном здании Управления по ул. Петра Великого, № 6 ему дали небольшую комнату. Владимира Клавдиевича это очень устраивало: дом находился в двух шагах от музея Общества изучения Амурского края, в котором он проводил всё свободное от работы время.

Во время интервенции помещение музея Общества изучения Амурского края было занято Французской военной миссией. На плечи Арсеньева легли обязанности и по приёму иностранных учёных, приезжавших во Владивосток. В те годы он уже имел немало контактов с зарубежными коллегами, в частности, Ф. Нансеном. Во время Первой мировой войны, оказывая посильную помощь иностранным учёным, оказавшимся в Хабаровске, ему довелось близко познакомиться с польским учёным С. Понятовским и венгерским этнографом Б.Б. Баратоши.

Во время Гражданской войны Арсеньев познакомился с антропологом и будущим президентом Калифорнийского университета в Беркли Д.П. Берроузом. В семье Арсеньевых много времени провёл сотрудник Французской миссии антрополог Д. Мотандон (Motandon, George). Уехав из Владивостока, он посылал Арсеньеву свои научные работы. Проездом в Китай во Владивостоке побывал шведский учёный Д. Андерссон (Andersson, Johan Gur). Он интересовался археологическими памятниками и жизнью коренных народностей Дальнего Востока, и Арсеньев любезно поделился с гостем своими сведениями. Уже после смерти путешественника Андерссон прислал ему в дар свою книгу [17].

Было много встреч и с японскими учёными. «Уезжая сегодня в Японию, – писал 13 октября 1917 г. этнограф Котора Дзимбо (Kotora Jimbo), – посылаю Вам свой привет, а также благодарю за Вашу любезность и труд при осмотре музея» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 3. Д. 21. Л. 1). Тесные связи Арсеньев поддерживал с профессором антропологии Р. Торией (Torii, Riuzo), который неоднократно приезжал на Дальний Восток и встречался с Арсеньевым в Хабаровске и Владивостоке. Арсеньев, в свою очередь, навещал учёного в Японии, оказав ему множество услуг, в том числе помощь в проведении исследовательских работ. В библиотеке Арсеньева были и книги японского учёного с дарственными надписями. Получил он в дар книгу и от профессора А. Матсумура (Matsumura Ruo: Akira) [18].

Хотя работа в Управлении, где Арсеньев с 1 июля 1919 г. был старшим инспектором, занимала много времени, путешественник готовил к изданию свою первую большую книгу [18], а в 1921 г. подал документы на занятие по совместительству должности преподавателя географии и этнографии в Государственном Дальневосточном университете. Вместе с заявлением он представил программу будущих лекций по краеведению, а также по теории и практике научных экспедиций по Восточной Сибири (ГАПК. Ф. 117. Оп. 5. Д. 7. Л. 41–43). Когда декан восточного факультета Е. Г. Спальвин предложил коллегам высказаться по этому поводу, многие преподаватели поддержали Арсеньева. «Лично я убеждён, – написал в отзыве профессор Н. В. Кюнер, – что вступление В.К. Арсеньева в преподавательский состав факультета явится для факультета весьма существенным приобретением, позволяя организовать достойным образом ряд курсов по краеведению как чисто географического, так и этнографического и археологического содержания не только теоретически, но и практически, как это надлежит ожидать от столь опытного исследователя-практика и как подтверждается с полной очевидностью из представленной им программь» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 2. Д. 40 (Письмо от 30 нояб. 1921). Л. 4).

Преподаватель университета К.К. Куртеев отметил: «Я лично знаю В.К. Арсеньева как неутомимого исследователя Уссурийского края с 1907 г. и с тех пор постоянно бываю осведомлён о производимой им исследовательской работе. В.К. Арсеньев обошёл и объехал весь Уссурийский край положительно по всем направлениям и пробирался в такие глухие места, которые совершенно малодоступны. <...> я полагаю, что в настоящее время для чтения лекций по вышеуказанным предметам нет лучше кандидата, чем В.К. Арсеньев» (ГАПК. Ф. 117. Оп. 5. Д. 7. Л. 8).

14 февраля 1922 г. по представлению восточного факультета Совет университета избрал Арсеньева преподавателем географии и этнографии Восточной Азии. Он узнал об этом из письма ректора. «Считая приятным для себя долгом, – писал тот, – довести о таком избрании до Вашего сведения и будучи твёрдо уверенным в том, что в Вашем лице Государственный Дальневосточный университет приобретает весьма

ценного сотрудника в деле упрочения и дальнейшего развития Университета, желаю Вам успехов в предстоящей Вам деятельности в среде преподавательского персонала Университета» (ГАПК. Ф. 117. Оп. 5. Д. 7. Л. 34).

Арсеньев был прирождённым рассказчиком, и аудитория на его лекциях всегда была полной. Многие считали его рассказы о путешествиях даже более интересными, чем книги. М.К. Азадовский вспоминал: «Прежде чем приступить к литературному оформлению своих воспоминаний о Дерсу, Владимир Клавдиевич очень любил рассказывать их. Я буквально почти всю будущую книгу прослушал сначала в замечательно увлекательных рассказах. Я слушал отдельные рассказы у него в кабинете, за чайным столом, у меня, в палатке на раскопках и т.д. Мне кажется, что в рассказывании они были более замечательны; во всяком случае многих характерных и ярких деталей я потом не нашёл в печатном тексте» [15, с. 78].

Для лекций в университете Арсеньев завёл карточки с будущими темами: «Идеализирование или предвзятое отношение к населению», «Нравственные силы», «Личность путешественника», «Дисциплина по духу», «Завистники и недоброжелатели», «Подозрительность, невежество и грубость массы (толпы)» и др. Его программа включала 83 пункта, раскрывающих его богатейший опыт путешественника-исследователя. К несчастью, рукопись книги «Теория и практика путешественника» исчезла после смерти Арсеньева.

В 1921–1922 гг. Арсеньев, будучи членом организационного комитета, принимал активное участие в подготовке Первого съезда по изучению Уссурийского края в естественно-историческом отношении, который состоялся в Никольске-Уссурийском 8–23 апреля 1922 г. под флагом Русского Географического общества как организации, совершенно чуждой каких-либо политических тенденций. В преддверии съезда прошло заседание Южно-Уссурийского отделения Русского Географического общества, которое постановило: «1) Подвести итоги той работе, которая выполнена до настоящего времени в деле исследования Уссурийского края, 2) ознакомиться с текущей работой по исследованию края, которая производится как различными лицами, так и учреждениями, 3) выяснить первоочередные задачи в области исследования края, а также способы их разрешения и форму организации, необходимой для этой работы, 4) прийти на помощь местной школе в деле организации изучения там местного края. В порядке разрешения вышеуказанных вопросов съезду предложено будет также рассмотреть и разрешить вопросы о создании морской биологической станции на нашем побережье и пресноводной станции на озере Ханка. При определении места съезда доводы склонились в пользу г. Никольска-Уссурийского из-за следующего соображения: все лица, причастные к делу изучения края, перегружены многочисленными обязанностями, связанными с добыванием насущного хлеба, и так как большинство этих лиц проживает во Владивостоке, то, в случае организации съезда там было бы невозможно изолировать его членов от несения ими их текущих обязанностей, совершенно посторонних делу съезда; при организации же съезда в г. Никольске-Уссурийском члены его автوماتически изолируются от среды, поглощающей их энергию, и в течение всего съезда займутся только его делами» [8, с. 7–8].

Первый съезд по изучению Уссурийского края в естественно-историческом отношении сыграл огромнейшую роль в становлении дальневосточной науки. Впервые в крае был проведён представительный научный форум, который смог объединить около 80 учёных и краеведов, волей судьбы оказавшихся на далёкой окраине России. Все организаци-

онные заботы взяли на себя Общество изучения Амурского края и Южно-Уссурийское отделение Русского географического общества.

Чтение лекций в университете Арсеньев совмещал с работой старшим инспектором в Управлении рыбных и морских звериных промыслов. В ноябре 1921 г. его назначили, по его собственной просьбе, на должность инспектора Гижигинского района на Камчатке. Эта территория между р. Ирет на западном берегу Пенжинского залива и р. Лесновской, представляла для путешественника особый интерес в этнографическом и статистико-экономическом отношениях (ГАПК. Ф. 117. Оп. 5. Д. 7. Л. 50.). Эти исследования Арсеньев провёл во время летней экспедиции 1922 г.

26 января 1923 г. управляющий Дальневосточным управлением рыболовства и охоты и государственной рыбной и пушной промышленности (Дальрыбохота) Т.М. Борисов подписал приказ: «Возлагается по отделению морских звериных промыслов и охоты заведование островами и морскими звериными промыслами Дальнего Востока на старшего инспектора рыболовства В.К. Арсеньева...» [16], а 9 февраля Владимира Клавдиевича назначили заведующим подотделом охраны и надзора отдела рыболовства. Эта должность, как и предыдущие, была связана с многочисленными разъездами и командировками. Вот и летом 1923 г. Арсеньева командировали в инспекционную поездку на Командоры и Камчатку.

Продолжительной стоянкой в Петропавловске-Камчатском Арсеньев воспользовался для своих целей. 29 июля вместе с П.Т. Новограбленовым он провёл небольшие раскопки на северо-западном берегу Култучного озера, а в последующие дни совершил увлекательное путешествие в кратер Авачинской сопки. Итогом этой командировки стали несколько статей и мысль написать большую книгу о Камчатке, но другие заботы заслонили собой эти планы. Только в 1927 г. Арсеньев напечатал брошюру «Тихоокеанский морж», в которой высказал предложения по «развитию и упорядочению промыслов среди туземного населения на крайнем севере Д. Востока». Газета «Красное знамя» опубликовала небольшую рецензию: «Оная является своего рода «агиткой», открывающей глаза широкой советской общественности на настоящее положение богатейшего вида промысла (моржового), на его возможности в будущем, на необходимость его упорядочения и развития» [10].

В 1923 г. произошло ещё одно важное событие в жизни Арсеньева – вышло продолжение его книги о Дерсу Узала. В предисловии к ней путешественник писал: «Если бы кто-нибудь из читателей пожелал теперь побывать в Зауссурийском крае, он изумился бы, увидев, как всё изменилось. Автор сам не узнал многих мест, когда вновь посетил их в 1911 г. Леса в большей части страны выгорели, результатом чего явилось обеднение целых районов зверем и рыбой, а это последнее обстоятельство привело к тому, что туземное население, занимавшееся охотой и рыболовством, должно было оставить веками насиженные места и перекочёвывало частью на север, в бассейны правых притоков низового Амура, а отчасти на запад в Маньчжурию. Словом, страна начала испытывать на себе то насилие, которое принято назвать "цивилизацией"» [2, с. I].

На экологические проблемы Арсеньев обращал внимание и в дальнейшем. «Страшные лесные пожары, – писал он, – уничтожают тайгу с головокружительной быстротой. С уничтожением растительного покрова стали оживать сильные эрозийные процессы, и опять началось смывание гор и образование долин, заполнение их наносами в дождливое время года. Наводнения сделались короткими, но очень стремительными. Лик Уссурийского края начал быстро изменяться. Такова роль

лесов в горных странах. Эта азбучная истина, которую надо доказывать и переселенцам, и власть имущим» [11, с. 140–141].

В конце апреля 1924 г., освободившись из-под надзора ОГПУ, Арсеньев выехал в командировку в Москву для участия в работе Главного концессионного комитета по экономическим и инородческим вопросам Дальнего Востока в качестве представителя Дальневосточного управления рыболовства и морской охоты и обсуждения вопросов, связанных с эксплуатацией Камчатки [6, с. 171]. 10 июня он выступил в Москве с докладом «О современном положении Дальнего Востока в связи с выработкой плана исследовательских работ» на совместном заседании Бюро съездов по изучению производительных сил СССР и Военного бюро Госплана. Видимо, тогда же Арсеньев получил Диплом 1-й степени за участие в Первой всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке (1923, Москва).

25 января 1925 г., устав от напряжённой работы, Арсеньев подал руководству управления «Дальрыба» заявление об увольнении: «С момента прибытия на Дальний Восток до 1914 г. я исключительно занимался исследовательской работой в крае. С 1909 по 1918 гг. включительно я заведовал Хабаровским краевым музеем и устраивал его. Моей основной специальностью является музееведение и исследовательская работа в области этнографии и археологии Дальнего Востока, к которым я чувствую особую склонность и признание. Все мои печатные труды касаются именно этих дисциплин. В 1918 г. по возвращению из путешествия на Камчатку мне предложено было занять должность заведующего охотой на морского зверя, каковую я и исполняю по сие время. В 1923 г. Дальюно предложило мне вернуться к прежней работе, заведованию Хабаровским краевым музеем. Уплнаркомпрод т. Андрианов на ходатайство моё об освобождении меня от службы в Дальрыбе изъявил своё принципиальное согласие, но только что начавшаяся советизация учреждения и Командорских островов задержали моё откомандирование в г. Хабаровск. В сентябре прошлого 1924 г. в г. Владивостоке Дальюно снова предложило мне перейти к нему на службу и принять должность директора Хабаровского краевого музея. Тогда же я обратился к Вам с просьбой освободить меня от службы в Дальрыбе, на что вы изъявили согласие, но переезд управления в Хабаровск отодвинул моё отчисление от управления до 1925 г. Ныне я вновь обращаюсь к Вам с просьбой освободить меня от службы в Дальрыбе. Теперь это сделать тем более удобно, что заместителем моим может быть специалист по морской охоте т. Мерный, человек, вполне подготовленный к должности заведующего охотой на морского зверя и инструктированный мною в течение двух месяцев. К сему добавляю, что если бы в Дальрыбе по какому-либо специальному вопросу явилось затруднение, я всегда готов по вызову (телефон № 864) явиться в управление в качестве консультанта» [6, с. 171]. Приказ об увольнении Арсеньева подписали только 16 марта 1925 г.

В мае 1925 г. Арсеньев организовал совещание возрождённых географических обществ на Дальнем Востоке. На встречу приехали из Читы, Владивостока и Никольск-Уссурийска. «Было бы ошибочно думать, что деятельность учёного общества может ограничиться чертой города, служащего его резиденцией, — отмечал он в докладе «Районирование Дальнего Востока для преимущественного изучения тем или иным Отделом Русского Географического общества». — Географическое общество должно по всей территории подведомственного ему района иметь целую сеть своих сотрудников, не вносящих членского взноса. Эти сотрудники, любители-краеведы, могут доставлять весьма ценные материалы, которые, будучи систематизированы специалистами, в значительной степени облегчат краеведческую работу» [5, с. 220].

В середине ноября 1924 г. германский консул во Владивостоке Вильгельм Вагнер переслал Арсеньеву в Хабаровск его книгу «In der Wildnis Ostsibiriens», увидевшую свет в издательстве «August Scherl». В Германии на долю книг Арсеньева выпал большой успех. «Могу вам с гордостью сообщить, – писал в марте 1925 г. издатель Е.И. Пепель, – что первые изданные мною за границей труды В.К. Арсеньева были чрезвычайно тепло приняты немецкими читателями, а также и в научных кругах. Газетные рецензии о сочинении В.К. Арсеньева и о нём как об учёном человеке блестящи. Известные учёные, как проф. Нансен, доктор Свен Гедин и Нестор немецких исследователей проф. Швейнфурт в вопросах о Сибири постоянно ссылаются на сочинения Арсеньева. Я счастлив, что, приняв на себя издание бессмертного труда В.К. Арсеньева за границей, мог приложить хоть долю своего труда к тому, чтобы показать всему свету великого русского исследователя, чьи труды уже теперь приобрели для русского народа много новых заграничных друзей и, безусловно, имеют великую будущность» [14, с. 130].

Восторженный приём книг путешественника за границей заставил и советских издателей обратить внимание на Арсеньева. Владимиру Клавдиевичу посыпались различные предложения – от весьма лестных до нелепых и комичных. Так, ему предложили перевести на русский язык его книгу, изданную в Германии. Между тем, никто не заметил, что этот труд был издан всего несколько лет назад во Владивостоке.

11–18 апреля 1926 г. Арсеньев участвовал в работе Первой Конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока в Хабаровске, где выступил с несколькими докладами, которые позднее составили небольшую брошюру. «На Дальнем Востоке, – писал Арсеньев, – в настоящее время проживает 22 туземных народности; кроме того, здесь имеются представители народностей европейских; здесь же живут китайцы, корейцы и японцы – всего, следовательно, 36 народностей, а кроме того, есть несколько видов (до шести) метисов; всего 42 этнические единицы» [3, с. 1]. Через два года Арсеньев и хабаровчанин Е.И. Титов опубликовали другую работу, посвящённую народам, живущим на русском Дальнем Востоке – «Быт и характер народностей Дальневосточного края».

В конце апреля 1926 г. Дальневосточное управление экспедиции Наркомзема предложило Арсеньеву должность производителя работ по обследованию заселяемых земель, и он согласился, заключив договор о сотрудничестве с начальником экспедиции по обследованию заселяемых районов профессором Н.И. Прохоровым (июнь 1926 г.).

В последние годы жизни Арсеньев будто предчувствовал близкую смерть и спешил закончить свои дела. Экспедиция Советская Гавань – Хабаровск, организованная Дальневосточным районным переселенческим управлением ранней весной 1927 г., «лишь только спадут снега и вскроются реки», не только подвела итог его маршрутам в этом районе, но и дала возможность попрощаться с друзьями, живущими там (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 2. Д. 51 (Предварительный отчёт) Л. 3.). Главной задачей было выяснить возможности заселения районов южного Амура, Арсеньев же стремился использовать путешествие для проверки своих наблюдений в этой местности за последние 20 лет.

К началу октября все члены экспедиции вернулись во Владивосток, и вскоре Арсеньев сделал доклад об итогах экспедиции на заседании Географического общества. «Двумя отрядами экспедиции за 106 дней был пройден путь в 1873 километра; пешком сделано 863 километра и на лодках 1010 километров. Экспедиция пересекла пять крупнейших водоразделов, преодолевая каменистые россыпи, переправы через

быстрые горные реки, зыбучие болота и труднопроходимую тайгу. На огромной территории, охватывающей восточные и западные склоны Сихотэ-Алиня вплоть до реки Амура, был собран обширный материал, освещающий эту горную страну в почвенно-ботаническом, экономическом и колониальном отношении» [7, с. 138].

К марту 1928 г. Арсеньев составил подробный экспедиционный отчёт, который ещё ждёт своего издателя. Он вернулся на преподавательскую работу в Дальневосточный университет. В конце 1927 г. друзья путешественника профессор А.А. Половинкин, доценты К.А. Гомоюнов и В.И. Ишерский писали в официальном отзыве: «Владимир Клавдиевич Арсеньев вёл исследовательскую работу в крае в течение 27 лет. Эта работа пионера-исследователя широко известна географам не только в пределах СССР, но также и за границей. Комиссия, рассмотрев труды В.К. Арсеньева, находит необходимым отметить главнейшие моменты: 1) труды рисуют перед нами вдумчивого, плодотворного и смелого исследователя, который впервые осветил географию многих мест Уссурийского края; 2) показывают на широкий географический кругозор исследователя, проявляющего особый интерес к жизни народов Д.В.К.; 3) открывают перед нами одно из ценнейших свойств В.К. Арсеньева как мастера художественного слова, который умеет образно, просто, убедительно и ясно излагать результаты своей исследовательской работы. Принимая во внимание всё вышеизложенное, а также: 1) большое количество очень ценных печатных трудов (до 23 наименований), 2) постоянное и живое участие в работах научных обществ, как местных, так российских и даже заграничных, 3) педагогическую работу на различного рода курсах, 4) преподавание в университете курса "Народоведение" с 1919 г. по 1923 г. и, наконец, неустанную плодотворную работу, продолжающуюся и в настоящее время, комиссия полагает, что Владимир Клавдиевич Арсеньев имеет все права и все данные для того, чтобы занять должность доцента в Государственном Дальневосточном Университете по курсу этнографии при кафедре краеведения на Естественном отделении Педагогического факультета» (ГАПК. Ф. 117. Оп. 5. Д. 7. Л. 2-3.).

По просьбе Дальневосточного комитета ВКП (б) Арсеньев подготовил обширный доклад о положении России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «В наше время, – писал он, – гораздо важнее экономическая защита страны, чем вооружённое сопротивление, поэтому в приграничных районах необходимо создать такие же мощные организации, как АКЮ (Акционерные компании – А.Х.), которые дадут колонистам заработки и обеспечат им сбыт сельскохозяйственных продуктов. Для этого нужны средства, и не маленькие, но всё-таки они будут неизмеримо меньше тех, которые придётся израсходовать потом для отстаивания наших интересов вооружённой рукой. Необходимо также укрепить нашу морскую границу <...> За 270 лет нашего владения на берегах Великого океана мы мало уделяли внимания морю, а теперь о нём забыли совсем» (ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 460. Л. 74). В этой записке, несмотря на некоторую наивность рассуждений, Арсеньев предрёк на десятилетия вперёд проблемы будущих взаимоотношений всех стран Тихоокеанского региона. Он предугадал Пирл-Харбор – войну Японии и Америки, прогноризировал строительство Байкало-Амурской магистрали и взаимоотношения с Китаем, отметил будущие политические и экономические разногласия с Японией, вроде вопроса о «Северных территориях».

В докладе Арсеньев изложил не только собственные мысли, но и те, которые высказывали в беседах с ним бывшие генерал-губернаторы Приамурья П.Ф. Унтербергер и Н.Л. Гондатти и которые он разделял. Ещё в своей книге «Китайцы в Уссурийском крае» Арсеньев писал: «Если

Россия на Северную Маньчжурию (район отчуждения КВЖД – А.Х.) имеет какие-либо виды, то вопрос этот надо решать теперь же, пока она ещё недостаточно заселена китайцами. Надо помнить, что, приобретая страну, приобретаешь и её население. По сравнению с другими областями Восточной Сибири в особенно невыгодном положении находится Уссурийский край. Спускаясь к югу по побережью моря, он как бы вклиняется между тремя государствами, изобилующими своим населением. С запада – многолюдный Китай, с юга – земледельческая Корея, с востока – культурная Япония. Нет ничего удивительного, что корейцы эмигрируют в Россию и садятся на землю, японцы ловят рыбу у наших берегов, а китайцы хищничают в тайге. Уссурийский край своего рода буфер, выдерживающий натиски "жёлтой расы". Все другие области, как Якутская, Забайкальская и даже Амурская, пребывают в более благоприятных условиях; они удалены и потому не находятся под натиском "жёлтых". Уссурийский край – будущий театр военных действий, и потому все мероприятия правительства должны быть прежде всего направлены на Амур вообще и на Уссурийский край – в особенности» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 50 (Тезисы доклада). Л. 7).

Доклад, помеченный грифом «Секретно», лёг на стол членам и кандидатам Бюро Далькрайкома, а затем, по вполне понятным причинам, перекочевал в архив. О предостережениях Арсеньева многие говорили, но этот документ навсегда исчез для всех.

Вникая во множество проблем и намечая всё новые и новые планы, Арсеньев дал себе слишком большой срок жизни. 7 января 1930 г. он подписал договор с правлением Уссурийской железной дорогой, приняв на себя руководство Бюро экономических изысканий новых железнодорожных магистралей. Он стал начальником одновременно четырёх экспедиций, направляющихся в районы предполагаемых железнодорожных линий, и 19 июля выехал из Владивостока в низовья Амура для инспектирования экспедиционных отрядов.

Бывает, что огромная лавина обрушивается от небольшого камушка. Так случилось и с Арсеньевым. «До дня отъезда из Николаевска Владимир Клавдиевич жил у меня примерно с неделю (до 20 авг.), – писал позднее работник Центросоюза А.А. Мартынов. – Я посадил его на пароход и никаких признаков болезни до отъезда не замечал. Вероятно, он простудился в пути» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 2. Д. 22 (Соболезнования). Л. 7).

26 августа 1930 г. Арсеньев вернулся из командировки больным, но, отмахнувшись от уговоров близких сходить к врачу, занялся делами. 4 сентября исследователя не стало.

Сегодня мы живём в век специализации, и у каждого исследователя региона есть определённая тема, которую он досконально изучает. Кажется, что в одиночку невозможно комплексно изучать Дальний Восток, но пример В.К. Арсеньева показывает, что некоторые проблемы освоения дальневосточных земель невозможны без прошлого опыта. При этом важную роль играют учёные, которые занимаются междисциплинарными исследованиями.

Автор приносит искреннюю благодарность Архиву и библиотеке Общества изучения Амурского края за материалы, использованные в настоящей публикации.

Литература

1. Арсеньев В.К. Вымирание инородцев Амурского края // Тр. 1-го съезда врачей Приамур. края, 23–28 авг. 1913 г., Хабаровск. Хабаровск, 1914. С. 352–358.
2. Арсеньев В.К. Дерсу Узала: Из воспоминаний о путешествии по Уссур. краю в 1907 г.: (С предисл.). Владивосток: Свободная Россия, 1923. 238 с.
3. Арсеньев В.К. Население Дальнего Востока как производительный фактор // Первая конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока: Тез. докладов. Хабаровск, 1926. С. 1–4.
4. Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю (Дерсу Узала): Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь / С предисл. авт. и П. Шкуркина. Владивосток: Тип. «Эхо», 1921. 261 с.
5. Арсеньев В.К. Сочинения. В 6 т. Владивосток, 1949. Т. 6: Рассказы и очерки. Неопубликованные рассказы и очерки. Научные и научно-организационные статьи. Письма и переписка. 291 с.
6. В.К. Арсеньев: (Документы к биографии) / Публ. и предисл. В.Г. Виноградова, С.Ш. Бурнатов. // Дальний Восток. 1961. № 2. С. 171–179.
7. Высоцкий К.К. Над головой тайга: Путевые очерки // Дальний Восток. 1970. № 10. С. 138–142.
8. К организации Первого съезда по изучению Уссурийского края // Изв. ЮОПОРГО. 1922. № 1 (январь). С. 7–9.
9. «Книги, которые мне дороги»: Каталог личной библиотеки В.К. Арсеньева. Владивосток: Изд. ОИАК, 2005. 276 с.
10. Л-ский П. Библиография (Арсеньев В.К. «Тихоокеанский морж») // Красное знамя. 1927. 4 марта.
11. Неопубликованные письма В.К. Арсеньева к московским ученым // Дальний Восток. 1975. № 7. С. 140–141 (письмо А.А. Борзову от 3 июня 1929).
12. Отношение заведующего Приморским переселенческим районом комиссару земледелия Дальсовнаркома о приглашении начальником Камчатской экспедиции В.К. Арсеньева. 17 мая 1918 г. // Дальний Восток. 1961. № 1. С. 172–174.
13. Устав Общества изучения Амурского края. Владивосток: Тип. Н.В. Морозова, 1897. 21 с.
14. Хисамутдинов А. Свеча горела: Страницы жизни В.К. Арсеньева // Дальний Восток. 1995. № 7. С. 130.
15. Хисамутдинов А.А. Его звали Арсеньев-Уссурийский: Док.-ист. очерк. Владивосток: Изд. ОИАК, 1997. 172 с.
16. Хисамутдинов А.А. Инспектор рыболовства // Рыбак Приморья. Владивосток, 1989. 24 марта.
17. Andersson J.G. Hunting magic in the animal style: Stockholm? 1932. 317 с.: ил. Б-ка ОИАК, № 17160. На обложке автограф: «D. V.K.Arsenieff with the kind regards of J.G. Anderson».
18. Matsumura A. Contributions to the Ethnography of Micronesia. Tokyo: Imp. University, 1918. 174 p.: ил. Б-ка ОИАК, № 17600. На обложке автограф: «With best compliments of the writer».

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arsen'ev V.K. Vymiranie inorodtsev Amurskogo kraya // Tr. 1-go s'ezda vrachej Priamur. kraya, 23–28 avg. 1913 g., Khabarovsk. Khabarovsk, 1914. S. 352–358.
2. Arsen'ev V.K. Dersu Uzala: Iz vospominanij o puteshestvii po Ussur. kraju v 1907 g.: (S predisl.). Vladivostok: Svobodnaya Rossiya, 1923. 238 s.

3. Arsen'ev V.K. Naselenie Dal'nego Vostoka kak proizvoditel'nyj faktor // Pervaya konferentsiya po izucheniyu proizvoditel'nykh sil Dal'nego Vostoka: Tez. dokladov. Khabarovsk, 1926. S. 1–4.
4. Arsen'ev V.K. Po Ussurijskomu kraju (Dersu Uzala): Puteshestvie v gornuyu oblast' Sikhoteh-Alin' / S predisl. avt. i P. SHkurkina. Vladivostok: Tip. «EHkho», 1921. 261 s.
5. Arsen'ev V.K. Sochineniya. V 6 t. Vladivostok, 1949. T. 6: Rasskazy i ocherki. Neopublikovannye rasskazy i ocherki. Nauchnye i nauchno-organizatsionnye stat'i. Pis'ma i perepiska. 291 s.
6. V.K. Arsen'ev: (Dokumenty k biografii) / Publ. i predisl. V.G. Vinogradova, S.SH. Burnatova. // Dal'nij Vostok. 1961. № 2. S. 171–179.
7. Vysotskij K.K. Nad golovoj tajga: Putevye ocherki // Dal'nij Vostok. 1970. № 10. S. 138–142.
8. K organizatsii Pervogo s'ezda po izucheniyu Ussurijskogo kraja // Izv. YUOOPORG. 1922. № 1 (yanv.). S. 7–9.
9. «Knigi, kotorye mne dorogi»: Katalog lichnoj biblioteki V.K. Arsen'eva. Vladivostok: Izd. OIAK, 2005. 276 s.
10. L-skij P. Bibliografiya (Arsen'ev V.K. «Tikhookeanskij morzh») // Krasnoe znanya. 1927. 4 marta.
11. Neopublikovannye pis'ma V.K. Arsen'eva k moskovskim uchenym // Dal'nij Vostok. 1975. № 7. S. 140–141 (pis'mo A.A. Borzovu ot 3 iyunya 1929).
12. Otnoshenie zaveduyushhego Primorskim pereselencheskim rajonom komissaru zemledeliya Dal'sovnarkoma o priglashenii nachal'nikom Kamchatskoj ehkspeditsii V.K. Arsen'eva. 17 maya 1918 g. // Dal'nij Vostok. 1961. № 1. S. 172–174.
13. Ustav Obshhestva izucheniya Amurskogo kraja. Vladivostok: Tip. N.V. Morozova, 1897. 21 s.
14. KHisamutdinov A. Svecha gorela: Stranitsy zhizni V.K. Arsen'eva // Dal'nij Vostok. 1995. № 7. S. 130.
15. KHisamutdinov A.A. Ego zvali Arsen'ev-Ussurijskij: Dok.-ist. ocherk. Vladivostok: Izd. OIAK, 1997. 172 s.
16. KHisamutdinov A.A. Inspektor rybolovstva // Rybak Primor'ya. Vladivostok, 1989. 24 marta.
17. Andersson J.G. Hunting magic in the animal style: Stockholm? 1932. 317 c.: il. B-ka OIAK, № 17160. Na oblozhke avtograf: «D. V.K.Arsenieff with the kind regards of J.G. Anderson».
18. Matsumura A. Contributions to the Ethnography of Micronesia. Tokyo: Imp. University, 1918. 174 p.: il. B-ka OIAK, № 17600. Na oblozhke avtograf: «With best compliments of the writer».